

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Выпуск 10 (10)
Монография

Санкт-Петербург
2013

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра западноевропейской и русской культуры

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

**Выпуск 10 (10)
МОНОГРАФИЯ**

О. Б. Сокурова

СЛОВО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Санкт-Петербург
2013

ББК 83+85+87.8

C59

История и культура. Вып. 10 (10)

Монография

ISSN 2222-2960

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории западноевропейской и русской культуры
Заведующий кафедрой профессор *Ю. К. Руденко*

Рекомендовано к печати
Ученым советом Исторического факультета СПбГУ.

Рецензенты:

Г. М. Прохоров, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
И. Ю. Шауб, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры
(ИИМК) РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор филологических наук, профессор Ю. К. Руденко (СПбГУ) —
ответственный редактор
кандидат исторических наук М. А. Шибаев (СПбГУ) —
ответственный секретарь
кандидат исторических наук А. В. Березкин (СПбГУ)
доктор филологических наук В. Е. Ветловская ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
доктор филологических наук, профессор Ю. В. Зобнин (СПбГУП)
доктор философских наук, профессор А. Л. Казин (СПбГУКиТ)
кандидат искусствоведения, доцент О. Б. Сокурова (СПбГУ)
кандидат исторических наук Д. О. Цыпкин (РОСФОТО)
кандидат филологических наук, доцент А. А. Шелаева (СПбГУ)

Электронная версия сборника находится на сайте
<http://history.pu.ru/rus/IK>

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Тел./факс (812) 328-94-47

© текст, О. Б. Сокурова,
Ю. К. Руденко, 2013

ЖИВОЕ СЛОВО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Предлагаемое вниманию читателя исследование является плодом многолетних творческих трудов, научных поисков, всего жизненного опыта ее автора, Ольги Борисовны Сокуровой, кандидата искусствоведения, доцента кафедры истории западноевропейской и русской культуры Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Родилась она в Тбилиси. Отец ее был военным журналистом, мать — педагогом. С четырех лет девочка уже сочиняла стихи, в отроческие годы была редактором школьных газет, являлась членом городского литературного клуба. Окончив школу, поехала в Ленинград поступать на филологический факультет ЛГУ, на отлично сдала вступительные экзамены (тогда конкурсы были фантастическими по сегодняшним меркам), стала студенткой русского отделения. Со второго курса начала с огромным интересом участвовать в Блоковском семинаре (в 1960–1970-е годы знаменитом на весь город, если не на всю страну) профессора Дмитрия Евгеньевича Максимова — крупнейшего в нашей стране и широко известного за рубежом исследователя русского Серебряного века. Отроком, потом юношей он наблюдал многих крупнейших деятелей культуры того времени, и сама его личность сформировалась в атмосфере той эпохи, которую он знал не по одним только книгам и чужим воспоминаниям. В его семинаре даже занятия проходили не совсем так, как у других ученых знаменитостей

факультета.¹ Д. Е. Максимов всегда несколько чуждался проблематики и тем более методологии так называемого «русского формализма», возникшего на исходе Серебряного века. Его интересы лежали в области *философско-мировоззренческих основ* художественно-поэтических явлений и процессов. Добираться до них, чутя и в текстах, и «сквозь» них биение пульса живой мысли, для которой слово — не просто способ выражения, но самоё бытие мысли, ощущать драматическую сложность и в то же время внутреннее единство личности художника — вот чему он учил и умел научать своих студентов. Поэтому не только новички-третьекурсники или «опытные» четверокурсники и выпускники, но и дипломированные литературоведы, бывшие когда-то членами его семинара, считали для себя честью выступить с докладом на каком-нибудь рядовом занятии у Дмитрия Евгеньевича.

Юная студентка под научным руководством выдающегося ученого смело взялась исследовать сложную и в то время совсем не изученную тему — о теории символа в эстетических трудах Андрея Белого и Вячеслава Иванова. Работа оказалась глубокой и успешной. По окончании университета О. Б. Сокурова поступила в аспирантуру Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Здесь она занялась масштабной и тоже совершенно не изучавшейся с точки зрения своего культурно-исторического значения проблемой взаимодействия русского сценического искусства с так называемой большой прозой, то есть историей освоения средствами театра величайших романнных шедевров русских и

¹ То была эпоха наивысшего расцвета вообще всего Ленинградского университета, чей мировой рейтинг был непререкаем, потому что его еще не измеряли расплодившимися в наше время абсурдными «показателями», вроде количества публикаций («числом поболее — ценою подешевле»), или суммарных баллов по ЕГЭ — этих эрзац-«экзаменов», модно именуемых по-западному «тестами», по которым на самом деле невозможно *в принципе* определить ни реальной грамотности абитуриента, ни его умения владеть связной письменной и устной речью, ни его способность логически мыслить.

мировых классиков. Результатом исследования явилась защита ею в 1978 г. искусствоведческой диссертации на тему «Роман и театр».

Во второй половине 1980-х гг. началась педагогическая деятельность О. Б. Сокуровой. В 1990-х гг. ей предложили читать цикл лекций «Духовные основы русской классической литературы» сначала в Санкт-Петербургском философско-богословском институте, а затем на епархиальных Свято-Иоанновских богословско-педагогических курсах при Санкт-Петербургской епархии. Программу курса ей пришлось разрабатывать совершенно самостоятельно, ибо в советское время строго действовал прямой идеологический запрет на проблематику подобного рода. Ольга Борисовна более чем успешно справилась с такой невероятно сложной и трудоемкой задачей. Лекционный курс стал важнейшим этапом ее становления как личности и как педагога. За спиной ее слушателей, была советская школа, «проходившая» русскую классику под знаком «революционно-демократического» атеизма. И теперь эти люди с замиранием сердца и горячей отзывчивостью открывали для себя в лекциях Ольги Борисовны совсем других — живых, *понятных* и *родных* тех же самых великих русских классиков, *мимо* которых их так лукаво «провели» когда-то в школе... Названный курс читался Ольгой Борисовной на протяжении почти двадцати лет.

В 1998 г. О. Б. Сокурова существенно расширила круг своей педагогической деятельности, став штатным сотрудником в то время совсем еще молодой, созданной в 1996 г. на Историческом факультете СПбГУ кафедры истории западноевропейской и русской культуры. Это была первая в стране не философская (культурологическая), а *историческая* университетская кафедра. Даже само название кафедры, исключавшее из круга ее предметов первобытные и восточные культуры, указывало на межцивилизационный характер изучения истории культур европейского Запада и евро-азиатского Востока (поначалу сосредоточенного в Византии). Они одинаково зародились на почве классической культуры античного Средиземноморья и одинаково имели своим духовным началом евангельскую

проповедь Христа и Его апостолов. Но вскоре они приобрели самостоятельный облик и стали отдельными цивилизациями.

Конфессиональной и культурно-цивилизационной преемницей византийского Православия стала родившаяся и политически окрепшая к середине — концу XIV в. Северо-Восточная, точнее — Московская Русь. Ее историческое развитие пошло самобытным путем, ей не один раз приходилось отбиваться от духовной и военной экспансии Запада. В начале XVII в. она пережила эпоху Смуты, грозившей ей полной гибелью, но нашла в себе силы восстать из праха и восстановить свои силы настолько, что еще через век, в эпоху Петра Великого, стала Балтийской морской державой и вошла в число европейских империй мирового значения. Тогда же началось интенсивное, подчас насильственное усвоение западных цивилизационных достижений и норм, что, в конечном итоге, положило начало рождению Новой русской культуры. Освоив достижения Западной Европы, Россия продолжала в наиболее значимых и ценных своих достижениях опираться на традиции православной культуры, ее мировоззренческое и нравственно-этическое общественное и бытовое сознание. В результате русская культура была признана в XIX–XX вв. одной из вершин мировой культуры в целом.

Дисциплинарным ядром учебного плана кафедры с самого начала стало изучение *художественной культуры* как фокусирующего центра человеческой культуры. А уникальная специфичность обучения на кафедре определялась (и определяется) тем, что получаемые студентами фактические знания в областях словесно-идеологической, словесно-поэтической, музыкальной, изобразительной, театральной и кинематографической отраслей художественной культуры ложатся с самого начала на *базовую основу* фундаментального изучения *отечественной и всеобщей истории*.

Ольга Борисовна Сокурова, к тому времени ставшая не только квалифицированным историком русской литературы широкого диапазона, но и эрудированным культурологом и историком культуры, органично вписалась в творческий коллектив кафедры и

очень быстро завоевала симпатии коллег и студентов. Она сразу же оказалась одним из главных, «профильных» преподавателей кафедры. Ею читаются лекционные курсы, охватывающие все периоды истории Новой русской литературы и культуры, а для студентов сначала философского факультета, а затем всех кафедр исторического профиля — курс истории мировой культуры. Под ее научным руководством осуществлен ряд первоклассных дипломных сочинений и написано несколько кандидатских диссертаций высокого научного достоинства.

Название предлагаемой в настоящем выпуске кафедрального альманаха монографии О. Б. Сокуровой «Слово в истории русской духовности и культуры» может показаться довольно большому кругу читателей несколько загадочным или не совсем понятным. Ведь мы, на каждом шагу слыша со всех сторон и сами в разговорах постоянно пользуясь *словами*, понимаем «слово» в его собирательном значении как многочисленную и разнообразную *лексику*, составляющую *диапазон* нашей разговорной, литературной, официальной, канцелярской, жаргонной, диалектной, поэтической — какой угодно устной и письменной речи. Когда нужно, заглядываем в словари, уверенные, что уж там-то собраны все «слова», ведомые нам, а по большей части неведомые...

Так не одно ли из многих по счету исследований из области *истории русского языка или современной лексикологии* нам предлагается ныне? Хотя в монографии отчасти затронуты и эти аспекты, сразу скажу: нет и нет!

Тогда о каком *слове* идет речь в данной книге? Ответ, как увидит читатель, парадоксален. Совокупность тех слов, которые мы используем в речи, которыми мы выражаем наши мысли, чувства, желания — это всего лишь самый поздний срез родного языка, самый подвижный и самый неустойчивый его облик. А на деле язык необъятно велик, и носители его — это не только мы с вами, ныне живущие, но и все поколения живших до нас родителей, дедов и пращуров наших, а после нас — все поколения наших потомков. Носитель языка — это *народ* в целом, от малого, родничкового его начала в далях истории до будущих неведомых нам времен.

Говорят: народ жив до тех пор, пока в нем жива память о своей истории. Это верно. Но еще вернее будет сказать: народ жив до тех пор, пока его животворит *дух* его языка. Все народы самоценны, но главные различия между ними — не только и не столько в степени их исторически стадиальной развитости, не в их экономической или политической мощи самих по себе, а, самое главное, в их *духовной сущности*. Эта последняя у каждого народа своя, и местом ее обиталища является именно, и прежде всего, *язык* народа, а также созданная этим языком словесная культура, неразрывно связанная со спецификой того или иного исторического времени и решением вечных проблем. *Духовная* составляющая русского слова в его историко-художественном воплощении и является главным предметом исследования О. Б. Сокуровой.

Вспоминается когда-то казавшееся загадочным, а теперь воспринимаемое откровенно пророческим стихотворение Юрия Живаго «Сказка» — из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Там конный герой-богатырь, «спеша на сечу», встречает «пленницу-красу» в смертельных объятьях лесного «чудища» — дракона:

Пламенем из зева
Рассеивал он свет,
В три кольца вкруг девы
Обмотав хребет.

Туловище змея,
Как концом бича,
Поводило шеей
У ее плеча.

.....

Змей обвил ей руку
И оплел гортань,
Получив на муку
В жертву эту дань.

И что же *русский* богатырь?

Посмотрел с *мольбою*
Всадник в *высь небес*
И копье для боя
Взял наперевес.

Как видим, сказочные символы *Божьей правды* и *вражьей нечисти* поэт не только показал в традиционных образах Богатыря и Змея, но и прямо назвал словами. «*Посмотреть с мольбою... в высь небес*» — это и значит заручиться *Божьей правдой*. А до того Богатырь увидел обиталище Змея — пещеру, вход которой озаряло «*как бы пламя серы*» и откуда валил «*дым багровый, / Застилавший взор*».

Известен сказочный исход боя: Богатырь побеждает, Дева-заложница спасена. У Пастернака исход боя — тот же, да не тот, уж больно тревожно загадочны его последствия:

Конный в шлеме сбитом,
Сшибленный в бою.
Верный конь, копытом
Топчущий змею.

Конь и труп дракона —
Рядом на песке.
В обмороке конный,
Дева в столбняке.

Светел свод полдневный,
Синева нежна.
Кто она? *Царевна?*
Дочь земли? Княжна?

*То, в избытке счастья,
Слезы в три ручья,
То душа во власти
Сна и забытья.*

*То возврат здоровья,
То недвижность жил
**От потери крови
И упадка сил.***

***Но сердца их бьются.**
То она, то он
**Сияются очнуться
И впадают в сон.***

Контекст романа подсказывает однозначно: *эта* «Сказка», связанная с коренными архетипами русской культуры, — не из стародавних времен, она — о нас сегодняшних, о России, пережившей все смуты XX в. Она — *о нынешнем состоянии нашего национального самосознания и менталитета.*

Глубоко символична строфа, окольцовывающая заключительную, третью часть стихотворения и одновременно завершающая произведение в целом:

Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.²

Картина поразительна *космичностью* своего масштаба и одновременно узнаваемой *конкретностью* своего образного состава.

² Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 438–439. (Библиотека поэта. Большая серия).

Здесь и вселенская ширь *русских* просторов, и тысячелетняя глубь *русской* истории. Но здесь же — и пророчески *точный диагноз* того, *насколько* обессилен и обескровлен русский народ, как он всё не может выйти из той ментальной и психологической прострации, в которой оказался на рубеже тысячелетий. И состояние нашего языка сегодня, нашей зачастую безграмотной, убогой речи — что на страницах газет, что в радио- и телеэфире, что в Интернете (пожалуй, особенно в Интернете!) — тому прямое свидетельство.

Таков современный общественный контекст, который делает чрезвычайно актуальной монографию О. Б. Сокуровой. Но ее книга — совсем не набор публицистических эссе, хотя в ней, особенно в заключительной ее части, можно найти немало глубоких и метких наблюдений о современном состоянии русского языка и русского духа. Это в точном смысле слова *научное* исследование, самобытное и значительное. Автором проработаны и тщательно учтены философские, культурологические, литературоведческие, лингвистические работы многих широко известных в мире авторов, которые специально занимались проблемами языка в его мировоззренческом аспекте (В. фон Гумбольдт и А. А. Потебня, М. Хайдеггер и Э. Кассирер, М. Фуко и Ж. Деррида, наши выдающиеся философы и филологи — А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин, С. С. Аверинцев, В. Н. Топоров, В. В. Колесов и др.).

Вообще в гуманитарных науках на рубеже XX–XXI вв. и на протяжении всех последних лет стал ощутимо возрастать интерес к языковой картине мира и содержащимся в ней ключевым словам и концептам, которые позволяют с наибольшей глубиной и точностью изучать и сравнивать специфику национальных культур, постигать особенности менталитета разных народов. В этом смысле передовая наука словно бы вырабатывает иммунные тела против болезненных издержек глобализации и связанной с нею тенденции к стиранию границ между народами, цивилизациями и культурами, превращению их в некую невыразительную, единообразную и легко управляемую массу. Среди наиболее продуктивных исследований

в названной области необходимо отметить, прежде всего, работы польско-австралийской исследовательницы Анны Вежбицкой, а также труды отечественных ученых: Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, В. Г. Гака, А. Д. Шмелева, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, Л. А. Ждановой, А. К. Перевозниковой, С. Е. Никитиной и других.

Автор монографии, опираясь на достижения предшественников, находит свой, самостоятельный путь в разработке заявленной темы. Прежде всего, новаторской и в этом отношении весьма перспективной является *методология* данного исследования. Слово здесь изучается комплексно, на самых разных уровнях его бытия в культуре, а именно: и как *лексема* языка во всех ее этимологических и понятийно-концептуальных связях; и как один из древнейших литературных *жанров*; и как то или иное отдельное художественное произведение (не только литературное!); и как целостное «Слово-о-мире» всей русской культуры; и, наконец, как Слово-Логос, изначально *породившее* отечественную духовную и культурную традицию и продолжающее быть ее *животворящей* основой. Таков многоуровневый вертикальный «срез» исследования. Наряду с этим, русское слово рассмотрено также в горизонтальной (хронологической, историко-культурной) проекции.

Подобного рода методология требует хорошей ориентации в области истории культуры, филологии, философии, богословия, этнолингвистики и ряда других отраслей современного знания.

Все исследование посвящено изучению места и значения слова в русской культуре, постижению через посредство слова ее главных духовных ценностей и целей, а также ее внутреннего единства и движения в историческом времени. Слово рассматривается как зерно культуры и ее ценностно-смысловая доминанта. В первую очередь, прослеживается захватывающе интересная история осмысления слова в различных культурных традициях: античной, библейской, православно-византийской, славянской. Русская культура с ее «всемирной отзывчивостью», о которой говорил Ф. М. Достоевский, вобрала в себя и творчески освоила все главное и наиболее ценное, что было накоплено в этих традициях; кроме того, она

откликнулась на проблемы и запросы, которые наметились в западно-европейской культуре Нового времени. К такому выводу можно прийти после прочтения первых глав исследования. Наиболее глубоко, на наш взгляд, показано в них соотношение слова и света, слова и тишины в византийском и русском исихазме, обоснованно акцентирована мысль исихастов о духовной энергетике слова, его преобразующей силе.

В книге выявлены также пространственно-временные координаты русской языковой картины мира, и в связи с ними представлены такие ключевые концепты, как «простор», «раздолье», «воля», «удаль», «время», «передние веки», «вечность». Пристальное внимание к этимологии слов, прежде всего тех, которые не имеют точных аналогов в других языках, позволяет увидеть и оценить родной язык в его самобытной красоте и мудрости. С другой стороны, обнаружение глубинного, порой неожиданного родства слов помогает прозревать внутренние связи народов и культур, находить языковые основы для взаимопонимания и братства. В этом отношении очень интересна гипотеза евразийцев о территориальных «языковых союзах». Рассказ об этой и других, не менее оригинальных и плодотворных идеях, читатель встретит на страницах настоящей книги.

Изучение и разработка теоретических проблем сочетается в монографии О. Б. Сокуровой с постоянным обращением к художественной практике. Обобщающие формулы раскрываются в живых конкретных образах литературных произведений, развитии сюжетных линий, драматическом столкновении идей.

Введение и первая часть монографии отданы многостороннему, философски углубленному и в то же время богато насыщенному конкретными фактами и текстовыми анализами исследованию мировоззренческих аспектов слова, восходящего к Слову-Логосу. Подробное внимание уделено первому «слову», положившему начало собственно *русской* литературе — «Слову о Законе и Благодати» Илариона Киевского (XI в.). В исследовании показано проявление заложенных в нем тем и идей в дальнейших судьбах отечественного языка, правовой и художественной культуры.

В книге подробно анализируются наиболее значимые, «базисные» произведения, созданные на трех важнейших этапах развития русской словесности: в эпоху Древней Руси, в петербургский период отечественной истории и, наконец, в наиболее сложных, динамичных и подчас катастрофических условиях XX–XXI вв. Книга содержит много свежих наблюдений, неожиданных открытий, новых ракурсов в рассмотрении, казалось бы, хрестоматийно известных, досконально изученных литературных творений, таких, например, как пушкинский «Медный всадник» и Петербургские повести Н. В. Гоголя. Замечательно, что две последние главы книги — это своего рода монографии в монографии. И посвящены они не просто двум *знаковым*, как сейчас выражаются, но двум самым неоднозначным, самым загадочным и в то же время, несомненно, *вершинным* произведениям — не для одной только русской литературы XX столетия, но и для мировой литературы в целом. Это — поэма «Двенадцать» Александра Блока и роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Их прочтение автором поражает своей непредсказуемой новизной, своей безупречно развернутой аргументацией и ощущением безусловной истинности их интерпретации, даже несмотря на то, что нутром иногда хочется противиться автору, особенно когда читаешь главу о «Мастере и Маргарите»...

Что ж, давно известно, что о чем-нибудь очень важном с одинаковой, казалось бы, правоммерностью могут высказываться различные, порой взаимно исключающие друг друга мнения и суждения; каждое — можно доказать, каждое — можно оспорить и даже опровергнуть... Но вот появляется человек, не упустивший ни одного мнения, ни одного «за» и «против» и опирающийся не на «что-нибудь», подобранное для доказательства *своей* правоты, а сумевший учесть *всё*, ничего не упуская и ничем не пренебрегая, и от его концепции уже нельзя ни отвернуться, ни отмахнуться: дескать, я не согласен. Тут вступает в силу совсем другое испытание позиций: не согласен? Но это *твоя* проблема! *Докажи*, что здесь неверно в отношении к той Истине, которая от наших желаний и

субъективных мнений не зависит, а потом говори о своем «согласии» или «несогласии»...

Именно такое ощущение тщательно выслеженной, разносторонне понятой и если не до конца, то *по сути* верно схваченной *истины* — истины о нашем слове, о нашем языке, о нашей культуре, о нашем особом национально-неповторимом видении мира, оставляет после себя прочтение прекрасной книги Ольги Борисовны Сокуровой. Эта книга, несомненно, носит итоговый характер, одновременно знаменуя собой вступление автора в пору наивысшего расцвета личностных способностей, интеллектуальной и духовной зрелости, плодотворного научного творчества.

Декабрь 2012 года

Санкт-Петербург

Ю. К. Руденко,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории западно-
европейской и русской культуры Истори-
ческого факультета СПбГУ